

УДК 631.1:93/99

О РУССКОМ СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ, ЕГО НЕДОСТАТКАХ И МЕРАХ К ЕГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ

И. А. СТЕБУТ

Стебут Иван Александрович (1833—1923) — выдающийся русский агроном, профессор, один из основоположников русской высшей агрономической школы и известный общественный деятель в области сельского хозяйства. С 1860 г. профессор Гори-Горецкого земледельческого института, с 1865 г. профессор Петровской земледельческой и лесной академии, где он заведовал кафедрой земледелия (1865—1894), читал лекции. Организатор специальных женских сельскохозяйственных курсов в Петербурге и один из организаторов и редакторов журнала «Русское сельское хозяйство». С 1898 по 1908 г. председатель ученого комитета Министерства земледелия. По книге И. А. Стебута «Основы полевой культуры и меры к ее улучшению в России» училось не одно поколение агрономов.

Совместно с А. П. Людоговским, И. Н. Чернопятовым и А. А. Фадеевым И. А. Стебут написал трехтомную «Настольную книгу для русских сельских хозяев», содержащую обширный материал по вопросам земледелия, животноводства, сельскохозяйственных технических производств и сельскохозяйственной экономики и представляющую собой как бы энциклопедию сельского хозяйства последней четверти XIX в.

В 1883 г. вышел в свет сборник статей профессора И. А. Стебута под названием «О русском сельском хозяйстве, его недостатках и мерах к его усовершенствованию». На этот сборник, а также на книгу «Основы полевой культуры...» ссылался В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» (Полн. собр. соч. Т. 8. С. 23, 170, 203), где он характеризует профессора Стебута как специалиста, «которому в вопросах фактических нельзя отказать в авторитетности».

Вниманию читателей журнала предлагаются два фрагмента из вступительной статьи сборника: «10-го апреля 1882 г. (вместо предисловия)». Многие из высказанных здесь положений, несмотря на давность публикации, представляют несомненный интерес и для современного читателя.

Авторская орфография и пунктуация сохраняются.

Крепостное право создало у нас, главным образом, два хозяйства, с двумя хозяйственными единицами: помещичье хозяйство с преимущественно крупной хозяйственной единицей и крестьянское хозяйство с сравнительно мелкой хозяйственной единицей. Кроме того оба эти рода хозяйства, на что следует указать здесь, различаются еще и формой хозяйства: хозяйство помещичье есть хозяйство хуторское, в котором вся земля в известной мере используется одним хозяином, вся она прилегает к усадьбе хозяина, причем поля разделяются на участки сообразно плану полевого хозяйства и только. Хозяйство же крестьянское, в противоположность хуторскому, есть хозяйство общинное, чересполосное, в котором земли, используемые отдельными хозяевами, живущими в усадьбах, скученных вместе в деревне, не разделяются между собой, но разделенные на участки сообразно общему для всех хозяев плану полевого хозяйства, разделяются уже между хозяевами в каждом полевым участке отдельно, так что земля, используемая каждым хозяином в отдельности, вовсе не прилегает к его усадьбе.

Хуторское помещичье хозяйство представляет недостатки крупной хозяйственной единицы. Недостатки эти были менее чувствительны при крепостном праве, когда земля была еще меньше истощена и дальние поля можно было не добывать, и когда барщинный труд представлялся вполне обеспеченным для хозяина и к тому же имевшим постоянную, так сказать, неизменную цену, как бы не изменялись другие условия, как например, величина урожая, цены на сельскохозяйственные произведения. Поэтому хозяевам того времени не было повода учитывать

этот труд, который не имел даже тогда рыночной цены; не было повода им стараться о его сбережении: навоз и сноповый хлеб возились на дальние расстояния; обрабатывались дальние земли, которые, при таком условии пользования трудом, окупали затрачиваемую на них работу даже без удобрения, при сравнительно скудных урожаях; возделывались такие растения, которых возделывание было бы невыгодно, или сравнительно менее выгодно, чем других растений, если бы приходилось оплачивать рабочие руки, а следовательно учитывать их. Впрочем, и в то время уже хлопотали об уменьшении хозяйственной единицы, как сельскохозяйственные писатели, например, покойный профессор Линовский в Москве посвятил этому вопросу одну из своих публичных лекций, так и хозяева, в особенности нечерноземной полосы, в которой почва требовала усиленного удобрения хлевным навозом.

С падением же крепостного права это несоответствие величины хозяйственной единицы помещичьего хозяйства с местными условиями сказалось еще сильнее и усиливается год от году больше, в особенности в черноземной полосе России, вследствие двух причин: вследствие все усиливающегося истощения дальних земель и вследствие постоянного возрастания цен на рабочие руки, которые получили определенную, более или менее высокую цену и потому должны быть употребляемы с возможною расчетливостью. Вследствие этого, дальние земли в нечерноземной полосе были большей частью заброшены, запущены (облоги) и, только по исправлении их продолжительным отдыхом в течение 10—12 лет, стали сдаваться крестьянам в аренду, пока вновь истощенные не

будут снова запущены для отдыха. В черноземной же полосе, при большем спросе на землю и при большей, вследствие этого, стоимости земель с одной стороны; с другой — при большей дешевизне рабочих рук и лучшем качестве дальних земель, эти последние не забрасывались и не запускались, а либо возделывались за счет владельцев их дешевыми рабочими руками крестьян, нуждавшихся в заработке; либо сдавались крестьянам, нуждавшимся в земле, под один посев за высокую довольно цену; при чем, не удобряясь ни в том, ни в другом случае, быстро подвигаются к той степени истощения, при которой перестанут оплачивать дорожжающий тем временем труд и потребуют коренного изменения в нынешней системе пользования ими.

Крупность хозяйственных единиц помещичьего хозяйства представляет тем больший еще недостаток, что эти хозяйственные единицы существуют, в особенности в черноземной полосе, весьма часто при весьма неудобных планах земли, делающих иногда решительно невозможным всякое другое выгодное пользование ими, кроме сдачи их в аренду на один посев, или же засева их без удобрения за счет владельца; так напр., при 6 верстном протяжении поля в 180 десятин. Эти неудобные планы явились отчасти вследствие того, что в прежнее время крепостного права, при устройстве усадеб, менее всего принимали в соображение хозяйственные удобства; отчасти же вследствие того, что при разверстании помещичьих и крестьянских земель после освобождения крестьян от крепостной зависимости, слишком мало сознавались неудобства хозяйства при таких условиях; с одной стороны желали скорее покончить это разверстание, с другой — не

желали принести никаких жертв для улучшения плана земли.

Крестьянское хозяйство до падения крепостного права представляло уже хозяйство мелких хозяйственных единиц, что касается размеров земельного участка, находящегося в пользовании каждого отдельного хозяина. Этот участок, небольшой в целом своем составе, еще меньше в каждом отдельном поле, где он снова подразделяется на большее или меньшее число участков: в нечерноземной полосе по качеству земли и отдалению от усадьбы; в черноземной же полосе преимущественно на этом последнем основании. Таким образом, те несколько участков, которые входят в пользование каждого отдельного хозяина, в каждом из трех полей — у крестьян почти исключительно ведется трехпольное хозяйство, имеют форму полос и такие малые размеры, что затрудняют хорошую обработку земли, например, допускают обработку их лишь в одном направлении, а именно вдоль их; множество же меж, разделяющих эти участки один от другого, служат приютом для сорных трав и вредных насекомых.

Но, эти неудобства малых участков увеличиваются еще тем, что они, при общинном пользовании землей, в особенности в черноземной полосе России, не редко чрезвычайно удалены от усадьбы: на 3—6 верст, а иногда и более; так что мелкая хозяйственная единица нашего крестьянского хозяйства ко всем недостаткам своим присоединяет еще и главный недостаток крупных хозяйственных единиц. Из других невыгод общинного пользования землей приведем еще передел земли и невозможность для отдельного хозяина-общинника отступить от общепринятого порядка без согласия на то

всех остальных хозяев. Передел земли затрудняет удобрение земли, если промежуток времени, через который он повторяется, слишком короток.

При крепостном праве такие недостатки общинного пользования землей облегчались тем, что хозяйственные единицы крестьянского хозяйства того времени были все же больше настоящих; так как крестьяне пользовались тогда вообще большим количеством земли, население же было меньше, еще меньше было крестьянских семей, которые были в то время многолюднее. Эти последние с сравнительно большими участками земли могли гораздо производительнее употреблять свой труд при недостатке в тоже время рабочего скота. Так, напр., семья, которая имеет три лошади, может заделывать семена двумя сохами, с двумя работниками и двумя лошадьми, и одной бороной, с одной лошадей, которую задний из работников с сохой привязывает к своему поясу; тогда как одинокий работник, с одной лошадей, должен сперва запахать семена на своей одной лошади, а затем на ней же заборонить их. Далее, работники многолюдной семьи, которая имеет большой участок земли вообще и большие участки земли в отдельности, не вынуждаются мелкостию участков переходить так часто с одного участка на другой, как одинокий хозяин с меньшим участком земли. Крестьянин времен крепостного права, живший отчасти под давлением крепостного владельца, преимущественно в большой семье, работал при этом лишь на своем наделе, да на земле своего крепостного владельца; отчего сравнительно менее чем теперь тратил времени на переезд с одного участка на другой. В многолюдной

семье есть глава семьи, дающий общее направление хозяйству; и теперь, большие крестьянские семьи, где глава семьи даже не работает уже по преклонности обыкновенно лет, ценят его именно как распорядителя, понимая хорошо, насколько такое распоряжение дает выгод своевременным и экономическим исполнением работ, что касается затрат рабочей силы. В многолюдной семье возможно разделение труда, что особенно важно зимой, когда часть семьи может уйти на заработки, чего не может сделать одинокий хозяин. Многолюдная семья может быстро исполнять работы, что особенно важно, напр., при уборке хлебов. Многолюдная семья много сберегает на хозяйственных постройках, на топливе, так как ее хозяйство представляет все выгоды более крупного хозяйства. До падения крепостного права крестьянские земли были менее истощены, а потому могли обходиться без удобрения дальних частей поля, на которые вывозка навоза была затруднительна. Во время крепостного права крестьяне пользовались большим количеством и с большим удобством выгонами и даже покосами. О лесе я уже и не говорю, как о предмете, несколько постороннем для настоящей цели. Наконец, в случае несчастий крестьяне находили большую или меньшую помощь со стороны по крайней мере хорошего крепостного владельца.

С падением же крепостного права, количество земли в пользовании крестьян большей частью уменьшилось; уменьшилось же в особенности в их пользовании количество покосов и выгонов и удобство пользования этими последними. Со времени падения крепостного права и по настоящее вре-

мя, на ход крестьянского хозяйства имеют громадное влияние три явления: увеличение населения, деление семей и тощание земли. Первое и третье явления весьма естественны и понятны; второе же происходит, главным образом, вследствие неудовлетворенности распределения прибылей от хозяйства между членами такого семейного сельскохозяйственного товарищества, особенно если глава семьи не отец, а брат или дядя, к тому же не обладает надлежащими нравственными качествами, напр., пьяница, как это, к сожалению, встречается довольно часто, в последнее время. К разделу семей побуждает также и то облегчение, которым пользуются одиночки к отбыванию рекрутской повинности. Вследствие увеличения крестьянского населения и раздела семей, хозяйственные единицы крестьянского хозяйства постоянно мельчают и измельчились уже до того, что имеются полосы земли в крестьянской обработке в $1\frac{1}{2}$ —2 саж. шир., в ширину довольно неширокого загона. Такое измельчение хозяйственной единицы влечет за собой крайнюю растрату рабочей силы на безпрерывные переходы с одного участка на другой, часто отстоящие на несколько верст один от другого, в особенности в черноземной полосе, где к тому же нередко чрезвычайно неудобные земельные планы крестьянских наделов. Крестьяне, в особенности черноземной полосы, нуждающиеся в земле для производительного применения своего труда, или в работе для приобретения необходимых к жизни средств, снимают земли под однолетний посев или нанимаются обрабатывать землю по десятинно, нередко в 2—3 местах, у более крупных землевладельцев, а иногда

и у своих односельчан-крестьян, сдающих свои наделы или нанимающих для обработки своего надела, за неимением в достаточном количестве своих рабочих рук и скота для обработки, или же по мнению более выгодного применения своего труда, чем обработка своей земли. Так, что у крестьян, в результате всего этого, получается нередко работа на множестве более или менее малых участков, разбросанных за частую на большие расстояния, в 2—3 и более верст, один от другого; вследствие чего, прогулы при переходе с работы с одного участка на работу на другом участке, сопровождающиеся значительным утомлением и работников и рабочего скота, и напрасные расходы на возку снопового хлеба с отдаленных малых участков, достигают иногда громадных размеров, не поражающих нас надлежащим образом лишь потому, что никто не пробовал усчитать проистекающие в этих случаях потери рабочих сил. Да и как усчитать их, когда крестьянским работам не ведется рабочего журнала!

Наконец, времени падения крепостного права, с увеличением крестьянского населения, с уменьшением наделов и уменьшением кормов, уменьшилось у крестьян количество лошадей и крупного рогатого скота, и увеличилось овцеводство, так как овцы легче довольствуются скудными пастбищами. В черноземной полосе можно встретить уже нередко безлошадных крестьян, которые сдают свою землю другим крестьянам на один посев, или нанимают других крестьян для обработки своего надела, а сами нанимаются в батраки, по неимению достаточного количества корма для лошадей или по невыгодности содержать лошадей для

такого мелкого участка, какой представляет иногда крестьянский надел.

Таким образом, [с падением крепостного права, крестьянин с своей мелкой хозяйственной единицей, при исключительном возделывании хлебов, следовательно преимущественно в средней черноземной полосе России, перешел уже в большинстве случаев в ремесленника, батрака или поденщика, занимающегося сельским хозяйством лишь побочно.]¹

Это несоответствие величины хозяйственной единицы нашего крестьянского хозяйства с нашими хозяйственными условиями: климатическими, почвенными и экономическими, с нашими полевыми культурами, с преобладающим возделыванием хлебных и кормовых для скота растений, обнаруживается, по моему мнению, во множестве весьма крупных явлений нашей сельскохозяйственной жизни: во-первых, в обнищании крестьян, занимающихся исключительно хлебопашеством на их небольшом душевом наделе; во-вторых, в сравнительном довольстве крестьян, занимающихся возделыванием некоторых, так называемых промышленных растений, как-то: льна, хмеля, табака, огородных растений и т. д. даже на душевом наделе; в-третьих, наконец, в развитии крупных посевищиков между крестьянами — тоже некоторого рода крестьянского кулачества, которое в губерниях, занимающихся исключительно хлебопашеством, обнаруживает, по моему крайнему убеждению, стремление создать более

выгодную при этих условиях, более крупную промышленную сельскохозяйственную единицу на счет земель крестьян, которые не имеют средств к образованию такой же единицы. Это процесс разборки между сельскими хозяевами-промышленниками и сельскохозяйственными батраками, сохраняющими однако возможность, при первом удобном случае, сделаться в свою очередь сельскими хозяевами-промышленниками.

Но, если настоящая величина хозяйственной единицы как помещичьего, так и крестьянского хозяйства, не отвечает нашим условиям, то спрашивается, как велика должна быть отвечающая нашим условиям выгодная единица хозяйства? Общей выгодной величины для наших хозяйственных единиц указать, конечно, нельзя; она должна быть различна не только для различных местностей России, но может быть даже иной в каждом данном случае. Но, можно высказать несколько общих по этому поводу соображений, нелишенных тем не менее, по моему мнению, большого практического значения. Во-первых, наши хозяйственные единицы, для того чтобы быть выгодными, не могут быть малыми за весьма небольшими пока развее исключениями; потому что по нашим климатическим, почвенным и экономическим условиям, по нашему отношению к европейскому рынку, мы еще надолго останемся главным образом производителями зерна и животных произведений, что, как мы видели выше, составляет более выгодное производство для более крупных, чем для более мелких хозяйственных единиц. Не следует забывать при этом, что мы не единственные производители зерна и животных произведений для нуж-

¹ Квадратными скобками выделен отрывок, который приводит В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» (Полн. собр. соч. Т. 3. С. 170, примечание).

дающегося в них европейского рынка; что у нас на этом последнем имеются весьма серьезные соперники в этих производствах: как-то Америка, Австралия, и что поэтому мы должны производить эти произведения не дороже, но скорее еще дешевле, чем эти страны, но в то же время не понижая, а по возможности увеличивая уплату производящего эти произведения труда. Только в таком случае можем мы рассчитывать на сохранение за нами рынка и на улучшение нашего возделывания хлебоных растений и нашего скотоводства, другими словами нашего сельского хозяйства. Между тем, как в настоящее время, мы можем сбывать эти произведения на европейском рынке обок с другими производителями их только потому, что дурен наш курс и дурно, низко оплачивается труд нашего работника. Поэтому мы должны удешевить производство этих произведений сокращением употребляемого нами на это производство количества рабочих рук; это же возможно лишь при поднятии урожайности наших полей, при обработке почвы усовершенствованными орудиями и при применении машин. При недостатке у нас капиталов вообще, поднять урожайность наших полей мы можем пока лишь усилением удобрения хлебным навозом, иначе усилением нашего скотоводства, или же оставлением земли на более продолжительное время в залежи. Все же это возможно лишь при большой величине хозяйственной единицы, как мы видели выше. Во-вторых, хозяйственные единицы нашей нечерноземной полосы с менее плодородной почвой, которая требует усиленного удобрения почвы хлебным навозом и следовательно усиленного скотоводства; равно как хозяй-

ственные единицы нашего мало заселенного юга с выгодным там скотоводством при сравнительно низкой цене земли, должны быть больше хозяйственных единиц нашей средней черноземной полосы с плодородной почвой и густым населением. В-третьих, наконец, можно полагать, что в настоящее время, при необходимости вывозить на поля навоз и возить хлеб с поля в усадьбу, выгодная величина хозяйственной единицы едва ли может превышать $1\frac{1}{2}$ -верстное расстояние крайних частей поля от усадьбы, так как выгодная величина хозяйственной единицы, при зависимости ее от плана земли, определяется не столько числом десятин, сколько именно этим расстоянием.

Какие же меры могут привести наше сельское хозяйство к наиболее выгодной величине хозяйственных единиц?

Но, прежде нежели перейти к ответу на этот вопрос, считаю необходимым остановиться несколько на тех различиях, которые могут представлять хозяйства в отношении пользования землей и способа ведения его. По способу пользования землей мы можем различать *землевладельческое* или *арендное хозяйство*. Последнее, по моему, имеет многое за себя. Успешность сельского хозяйства в высокой степени зависит от соответственного соединения земельного, основного и оборотного капиталов с знанием. Между тем как собственник-хозяин должен соединять все это в одном лице, что встречается весьма редко; арендатору достаточны знание и сравнительно небольшой капитал преимущественно для покупки живого и мерт-

Курсив автора.

вого инвентаря и оборотный; соединение же этого в одном лице уже гораздо легче, особенно при существовании недорогого личного кредита. Конечно, законодательство должно придти на помощь аренде частной земельной собственности изданием законов, которые бы обеспечивали с одной стороны землевладельцу получение аренды и сохранение его земельного и основного капиталов; с другой — арендатору спокойное пользование арендой и возможность улучшать хозяйство. Арендная система пользования землей особенно выигрывает при существовании государственных, земских, общественных земель для заарендования; так как эти земли могут быть более подвижны в отношении удовлетворения потребности, более нуждающейся в земле части населения и в отношении удовлетворения экономического требования в известной величине хозяйственной единицы. Что же касается отношения, в которых находится аренда к улучшению хозяйства, то достаточно указать на первый выпуск сочинения профессора Постникова: «Общинное землевладение», в котором автор как нельзя полнее доказывает состоятельность в этом отношении аренды на основании данных английского сельского хозяйства, хотя и делает это в доказательство разумности общинного хозяйства.

Не входя здесь в подробное рассмотрение вопроса об аренде, весьма хорошо разработанного как в практике, так и в литературе многих стран, укажу здесь лишь мимоходом, для полноты обзора различий в хозяйстве, на различие аренды, смотря потому, уплачивается ли аренда деньгами, при вперед определенной величине ее, или же известной долей урожая. Последний способ, теряющий смысл при арен-

довании общинных, земских, государственных земель, может существовать при арендовании частных земель только в случае арендования земель малыми участками, к тому же хозяевами-работниками; при несколько же больших размерах аренды, поставленной в условия возможности значительных улучшений в хозяйстве и ведения более интенсивного хозяйства, такой способ уплаты аренды делается невозможным и не мыслим, потому что он передает в руки землевладельца не только ренту, но и часть процента с капиталов, затрачиваемых арендатором на улучшение хозяйства.

Как собственником, так и арендатором хозяйства может быть одно лицо или несколько лиц, образующих товарищество или артель. В первом случае хозяйство *частное* (единоличное); во втором — *товарищеское*, если лица соединились лишь для образования необходимого для ведения хозяйства капитала, или *артельное*, если лица соединились для обеспечения хозяйства необходимым для его ведения трудом. Товарищество пользуется только предпринимательской премией и дивидендом с затрачиваемых им в хозяйство капиталов; артель же пользуется кроме предпринимательской премии и дивиденда с затраченных ею в хозяйство капиталов еще и заработками; при этом члены артели могут делить между собой так или иначе произведения хозяйства или же денежную выручку от хозяйства. Во всяком случае, при разумно ведущемся артельном хозяйстве, труд, одушевляемый получением вполне выгод от применения его к земле, должен проявлять наибольшую производительность.

В противоположность артельному хозяйству, хозяйства частное

и товарищеское обеспечивают себе необходимый для ведения их труд наймом батраков — постоянных, годовых или сроковых (т. е. нанимаемых на год или на известный срок рабочих). Эти хозяйства, в отличие от *артельных*, могут быть поэтому названы *батрачными*...

Установив вышеприведенные различия, я могу перейти к ответу на вопрос, какими мерами наше сельское хозяйство можно привести к наиболее выгодной величине хозяйственной единицы? Ответ на этот вопрос будет, однако, несколько различен для хозяйств помещичьих и крестьянских.

Что касается настоящих чрезмерно крупных хозяйственных единиц хуторского (помещичьего) хозяйства, то они, сами собой, под давлением больших выгод, которые будут доставлять меньшей величины хозяйственные единицы сравнительно с единицами большей величины, превратятся в более мелкие хозяйственные единицы мало по малу, по мере того как явятся необходимые для устройства новых хуторов капиталы в руках самих владельцев крупных хозяйств или же в руках надежных арендаторов.

Такое уменьшение хозяйственной единицы уже теперь настоятельно требуется во многих крупных хозяйствах, особенно с невыгодными планами земли, вследствие необходимости удобрять дальние истощенные поля и вследствие необходимости перейти от хозяйства с издельной подестинной крестьянской работой к батрачному хозяйству. Выше я заметил, что [в настоящем общинном крестьянском хозяйстве происходит *разборка между сельскими хозяевами-промышленниками и сельскохозяйственными батраками*. Первые, становясь крупными посевщиками, на-

чинают держать батраков и перестают обыкновенно брать издельную работу, если не имеют разве какой либо крайней необходимости прибавить еще несколько земли для посева, или попользоваться угодами для пастбы скота, чего большей частью нельзя иметь иначе как за издельную работу; вторые же не могут брать никакой издельной работы по не имению лошадей. *Отсюда, очевидная необходимость перехода к батрачному хозяйству и тем более скорого*, что и те крестьяне, которые еще берут издельную по десятинную работу, по слабосилию имеющихся у нас лошадей и по множеству набираемой ими работы, становятся плохими исполнителями работ как в отношении качества, так и в отношении своевременности их выполнения.] И если мы, при таких условиях, не встречаем более быстрого перехода к батрачному хозяйству, то это объясняется: во-первых, крупностью настоящей хозяйственной единицы, которая делает невозможным выгодное применение довольно дорогого батрачного труда, при громадных расходах возки навоза и снопового хлеба и невозможности сосредоточенного хозяйского надзора за работами; во-вторых, отсутствием денежных средств для обзаведения хозяйства сейчас же необходимыми для батрачного хозяйства инвентарем и оборотным капиталом; в-третьих, весьма частыми примерами невыгодного применения батрачного труда, по неумению расчетливо употребить батрачный труд и по неимению соответствующих машин и

Квадратными скобками выделен отрывок, который приводит В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России». Полн. собр. соч. Т. 3. С. 203. Курсив Ленина.

орудий для более производительного его применения.

Впрочем, устройство хуторов с самыми простыми постройками на первое время для построения скота, молотбы хлеба, ссыпки зерна и помещения присмотра не может стоить дорого, а между тем может способствовать быстрому уменьшению хозяйственной единицы, так настоятельно требуемому обстоятельствами. Такие хутора, при неимении своего капитала для ведения в них хозяйства или при затруднении иметь в достаточном количестве рабочие руки, могут быть сдаваемы крестьянским обществом, частью за плату, частью за работу, с условием стравливать на хутор все хуторские полеводственные отбросы, солому и мякину и удобрять поля получающимся от стравливания этих отбросов навозом.

С постепенным уменьшением хозяйственной единицы наших крупных хозяйств и развитием батрачного и арендного хозяйств, в силу выше приведенных соображений, более крупное наше хозяйство не в состоянии будет сохранить настоящий свой вид без особенных совершенно бесполезных для кого бы то ни было расходов. Мало по малу крупное землевладение должно будет отделиться от хозяйственного использования земли; и это последнее перейдет в руки более мелких арендаторов, потому что это станет выгоднее для самих землевладельцев. Хозяйственное использование собственной земли в состоянии будет удержаться лишь в руках мелких собственников земли, которые, ведя сами свое хозяйство, в состоянии будут довольствоваться доходом той сравнительно малой абсолютной величины, который может дать такое небольшое хозяйство.

Вот эта-то вообще небольшая абсолютная величина дохода такой сравнительной малой хозяйственной единицы, еще меньшая в настоящее время при отсутствии надлежащих уменья и капитала для ведения хозяйства, и не позволяет нашим образованным землевладельцам, предьявляющим обыкновенно весьма значительные требования к материальной житейской обстановке, самим вести хозяйство наиболее выгодных, сравнительно малых хозяйственных единиц. Такие землевладельцы находят большие заработки в других профессиях, и потому обращаются обыкновенно к другим занятиям или обок с занятием хозяйством, которое в таком случае, конечно, не дает уже всего того, что оно должно дать, или же отдавая хозяйство в управление, при чем доход хозяйства, всегда меньший, чем при ведении хозяйства самим хозяином (конечно одинаковых способностей и одинакового уменья с управляющим), уменьшается еще на жалованье управляющего. Поэтому же, образованные землевладельцы занимают у нас хозяйством сами лишь при больших размерах хозяйства и в таком случае часто при содействии управляющих. Но чаще, хозяйства даже более крупных размеров сдаются в управление. Во всех этих случаях редко получается надлежащий доход, по не уменью ли вести хозяйство, по недостатку ли капитала; часто же вовсе не получается дохода от хозяйства, хотя это и скрывается иногда за доходами, доставляемыми соединенными с хозяйствами заводами, лесными или торговыми операциями.

Вот такие-то помещичьи хозяйства, совершенно согласен с высказываемым в этом отношении мнением (А. Н. Энгельгардт), долж-

ны исчезнуть, так как существование их не имеет смысла; должны будут исчезнуть и чрезмерно крупные хозяйства, потому что доходность таких слишком крупных хозяйственных единиц, находящихся в руках самих хозяев-собственников или хозяев-арендаторов, должна постоянно уменьшаться. Тем не менее, даже такие ненормальные хозяйства исчезнут не так скоро, потому что существование их зависит не от одной хозяйственной их доходности, но от многих других обстоятельств: от ценза для различных должностей по выборам, от силы традиции того времени, когда землевладение было исключительно почти дворянским; от привязанности к родному пепелищу, от доходности соединенных с хозяйствами заводов и т. д. Не могу не остановиться в этом месте на одной мысли относительно сельскохозяйственной заводской промышленности, которая будто бы требует существования крупных хозяйств и крупных хозяйственных единиц; или, мелкие хозяйства или мелкая хозяйственная единица требует существования мелких сельскохозяйственных заводов. Такое мнение, по моему, если и верно, то не всегда. Большие сельскохозяйственные заводы могут существовать и отдельно от хозяйств и быть полезны точно также для мелких хозяйственных единиц, лишь бы они помещались так близко к хозяйствам, доставляющим им сырье, чтобы эти последние могли пользоваться как кормовыми, так и удобрительными заводскими отбросами. Это последнее может быть часто даже выгоднее соединения крупных заводов с столь же крупными хозяйствами; потому, во-первых, что растения, доставляющие сырой материал для заводов, большей частью растения, как

например, свекловица, картофель, которых возделывание выгоднее в более мелких хозяйственных единицах; во-вторых, при отдельном существовании заводов и хозяйств точнее определяются выгоды хозяйства и завода. Думаю, по этому, что с одной стороны многие из наших сельских хозяев-заводчиков, в особенности сахарных заводчиков, поступили бы разумнее, сдав свои экономии в аренду; они выиграли бы уже на одной администрации громадные суммы; с другой — мелким хозяйствам, напр., средней черноземной полосы, могли бы принести громадную пользу товарищеские заводы самих мелких хозяев.

Не могу не согласиться также и с теми (М. В. Неручев), которые думают, что будущность нашего сельского хозяйства в мозолистых руках крестьянина; но только в смысле внутреннего значения этой фразы, а не внешней, хотя и весьма эффектной формы ее. Я думаю, что будущность нашего сельского хозяйства в руках знающих, трудящихся хозяев, способных лично заняться хозяйством; выйдут ли такие хозяева из крестьянского, мещанского, купеческого, духовного или дворянского сословия, это безразлично для дела; хотя, едва ли можно оспаривать, что такие хозяева выйдут преимущественно из крестьянской среды, коль скоро крестьянину откроется надлежащий школьный путь к тому; и теперь уже мы встречаем крестьян (единолично), арендующих довольно значительные имения и весьма успешно, хотя их хозяйство есть пока крайняя большей частью эксплуатация труда своего собрата-крестьянина. Но, не могу согласиться с тем, что будущность русского сельского хозяйства находится в мозолистых руках настоящего

крестьянина, наблюдая и слыша постоянно, как земля из этих мозолистых рук переходит в менее мозолистые руки кулаков, из детей которых с руками еще менее мозолистыми, а не то и совершенно свободными от мозолей, надлежащая школа может сделать прекрасных хозяев, которые не будут уже видеть единственных средств ведения хозяйства в эксплуатации крестьянина.

Переход мелкой хозяйственной единицы общинного чересполосного (крестьянского) хозяйства в более крупную представляет гораздо больше трудностей.

Конечно и мелкое, общинное чересполосное крестьянское хозяйство, само собой перейдет, мало по малу, в более крупное, арендное, хуторское, частное батрачное или артельное хозяйство, под давлением тех больших выгод, которые такое хозяйство может доставить сельскому населению сравнительно с настоящим. Настоящие селения, выделяя из себя постоянно отдельных крестьян или крестьянские товарищества или артели для образования хуторских хозяйств сперва на государственных, земских землях и землях крупных землевладельцев, на сколько эти земли будут доступны арендному пользованию ими или приобретению их в собственность, а за тем и на своих общинных землях, превратятся в заключение большей частью в промышленные, торговые и ремесленные центры для своей местности¹. Так думается мне на основании тех явлений, которые приходится наблюдать. Выше говорил я о появлении в крестьянских общинах более крупных посевищиков, об арендовании крестьянами частных имений; здесь же замечу, что многолюдная крестьянская семья, о которой я говорил выше, служит, по моему,

праобразом той хозяйственной артели, которую современем обретет наш крестьянин. Хотя многолюдная семья и исчезает под гнетом указанных мною обстоятельств, тем не менее крестьянские симпатии к ней еще очень сильны; и она очень легко может превратиться в артель, как скоро крестьянин найдет возможность заменить отжившее в многолюдной семье, как хозяйственной артели, родственное начало началом экономическим. К тому же, крестьяне нередко и теперь образуют артели для уборки сена и хлеба, для молотбы у более крупных хозяев при невыгодности содержать более одной лошади, по крайней мере в той местности, в которой я веду свое хозяйство, соединяются в малые артели также для обработки земли, как собственной, так и той, которую нанимают для посева или берут для обработки издельно у более крупных хозяев; так как при этом: во-первых, выгадывают во времени, затрачиваемом для проходов на работы: один из артели работает в одном, другой — в другом месте; во-вторых, соединяя лошадей, могут производительнее употреблять свои силы, как это было пояснено мною выше при рассмотрении вы-

¹ Граф Киселев (см. соч. Заблоцкого), устроив управление государственными крестьянами, считал необходимым сохранить у государственных крестьян общинное пользование землей, но свободные, запасные государственные земли предполагал сдавать в частное арендное пользование. Князь А. И. Васильчиков, защищающий в своем сочинении «Земледелие и Землевладение» (см. 1-е издание, *Прим. авт.*) общинное пользование, говорит там же о колонизации на основании частного землевладения и частного пользования землей.

год многолюдной крестьянской семьи.

Такой переход мелкой крестьянской хозяйственной единицы в более крупную, конечно, не может быть достигнут переустройством крестьянского хозяйства на основании какого-либо законодательного акта; он может быть только свободным делом самих крестьян. Но, чтобы крестьяне могли совершенно свободно, сознательно, на основании своего опыта и чисто в своих интересах решить вопрос о форме пользования землей, необходимо известное содействие к этому, чтобы как сохранение ими общинного пользования землей, так и переход их от этого пользования к частному пользованию землей не вынуждались бы силой устранимых, неблагоприятных для той или другой формы пользования землей обстоятельств. Такое же содействие к такому, так сказать, естественному решению вопроса о пользовании землей, должно бы было заключаться:

Во-первых, в широком и надлежащем развитии школы, которая, способствуя умственному и нравственному развитию крестьянина, сделала бы его самостоятельным в разрешении столь важного для благоденствия будущего населения вопроса.

Во-вторых, в устройстве дешевого кредита, в котором бы нуждающийся крестьянин находил необходимые средства для обзаведения своего хозяйства необходимыми постройками, живым и мертвым ин-

вентарем и оборотным капиталом.

В-третьих, в надлежащем устройстве крестьянского самоуправления, которое устраняло бы вредное постороннее влияние на их хозяйственные дела.

В-четвертых, законное ограждение общинной земельной собственности от перехода в частные руки. При этом не могу не заметить, что, высказываясь против общинного пользования землей, которое я не считаю прочным в будущем, я стою за общинное землевладение; так как считаю общинные земли, равно как земские и государственные, более подвижными и потому более способными удовлетворять потребности нуждающегося в земле населения. К сожалению, в обсуждении крестьянского вопроса наша литература как-то смешивает общинное землевладение с общинным пользованием землей; тогда как самая жизнь не смешивает их — так, имеются у нас общинные земли, которые сдаются в частное пользование; имеются, далее, частные земли, которые снимаются крестьянскими обществами в аренду и поступают в пользование общества на общинном начале; имеются, наконец, селения с наделенной в подворную, частную собственность землей и со всеми порядками общинного, чересполосного хозяйства.

В-пятых, наконец, в облегчении крестьянским обществам и отдельным крестьянам арендования соответствующей величины земельных участков.